

люди искусства

ГОДЫ РАДИ МГНОВЕНИЙ

Заир АЗГУР,
 Герой Социалистического Труда,
 народный художник СССР

противопоставляет Адам Еву, воздев ее к небу на вытянутых руках, словно возведя на пьедестал. Еву — живую, трепетную, с солнцем в крови.

Юрий Троян — не просто партнер балерины. Они единомышленники в искусстве. Любопытно, что их соединил... Шекспир драмой «Ромео и Джульетта», переложенной на пленительную музыку С. Прокофьевым. Да, они танцевали шекспировскую нежность и шекспировскую страсть. Когда то взмывала звучность прокофьевской музыки, продиктованной Шекспиром, то задорно и даже озорно переливалась «моцартовская» струя этого волшебника современной музыкальной культуры. Из сольных танцев повесть, печальнее которой нет на свете, сливалась в трогательные дуэты и тут Л. Бржозовская, по-моему, воплощала Джульетту как жизнелюбивую натуру, способную на мятееж, на духовное неповиновение, что так созвучно было настроениям Ромео Ю. Трояна Ренессанс с его жизнелюбием и прославлением свободы человеческого духа сказанная на пластике со-

временной балетной версии «Ромео и Джульетты», особенно на той завидной легкости, с какой шла навстречу козням знатных веронцев, ослепленных предрасудками, эта белорусская Джульетта.

Когда танец Людмилы Бржозовской увидел итальянский режиссер кино Франко Дзефирелли, создавший фильм «Укрощение строптивой», «Ромео и Джульетта», ставший «Отелло» с Джоном Гиллудом в Мемориальном шекспировском театре, он горячо поблагодарил нашу танцовщицу и вдруг сказал: «Передайте мои поздравления вашему Адаму...» Возможно, это всего лишь акт вежливости, но мне в таком приветии Адаму, то есть Юрию Трояну — партнеру, другу, единомышленнику, слышится большой смысл: искусство творится не в одиночку. Художнику необходим союзник. Товариш и судья. Терпеливый советчик и взыскательный соратник. Зеркало и увеличительное стекло.

Что это так, я убеждаюсь, когда вижу «Тристана и Изольду» в исполнении минских артистов. Справедливость мысли Ф. Дзефирелли

подтверждается и спектаклем «Спартак» с огненно заволаживающей музыкой А. Хачатуряна, где Ю. Троян и Л. Бржозовская так упорительно погружаются в мир страстей своих героев, что кажется, будто композитор для них и сочинял, щедро разбрасывая по партитуре эту россыпь мелодических находок, возбуждающих горячее чувство. Когда В. Елизарьев на белорусской сцене давал новое толкование «Кармен-сюите» Бизе — Щедрина, он, должно быть, благодарил судьбу за то, что исполнительницей заглавной партии была Л. Бржозовская. Танец этой Кармен как бы провозглашал то, что так взволнованно и властно утверждает героиня оперы Ж. Бизе: «Кармен свободна!»...

Очень пристально вглядывается Л. Бржозовская в иные натуры — пытливые, с юной любознательностью постигающие смысл собственных нравственных порывов и противоречий, мир «других», тех, кто украшает собой человечество и тех, кто оскверняет его. Возможно, среди лучших творений балерины этого плана — Девушка в хореографической версии рассказа Л. Толстого «После бала» (композитор Г. Вагнер, балетмейстер О. Дадишкилиани).

Гастрольные маршруты ведут белорусский балет в Москву и Ленинград, в зарубежные страны, и всюду поклонники этого прекрасного искусства отмечают новизну творческих исканий наших артистов. Едва ли я ошибусь, назвав один из самых показательных в этом смысле спектакль «Тиль Уленшпигель» (музыка Е. Глебова, либретто и хореография В. Елизарьева). Неле в исполнении Л. Бржозовской открывает для себя страшный мир, где предатель и изувер еще торжествует, а добродетель вынуждена браться за оружие ради защиты нравственных ценностей и справедливости. Когда один из рецензентов назвал танец актрисы пленительным, я в этом слове нашел отражение моего собственного впечатления. Да, она пленительна в балете «Тиль Уленшпигель»! В партии Неле актриса разгадала богатые интонационные возможности, и в ее безупречных па сквозит неотразимое чистосердечие героини спектакля.

Оно же окрашивается в девичью веселость в первом акте «Жизели», где героиня Л. Бржозовской, я сказал бы, — солнечно элегичная и юношески чистая в раскрытии первого высокого зова любви. И новое преломление в танце девичьей чистосердечности — Одетта в «Лебедином озере», которая так вериг в спасительную силу любви...

Драматическую женскую судьбу Л. Бржозовская передает кантиленой то элегических, то динамических па, цепью прыжков, прерываемых либо внезапным полетным озарением души, либо пантомимой исповеди. У нее, скажу по-своему, как скульп-

тор, удивительно красочна голова, которая может очертить царственную решимость и вдруг выразить непокорное отчаяние. Динамика движений порой переходит у балерины в заволаживающую поступь, потом взрывается каскадом изгибов и шагов, в которых — страсть, порыв, раздумье, любовь, готовность к жерт-

в. Яркая артистическая индивидуальность, ведущая солистка труппы, Л. Бржозовская не противится стремлению хореографа (В. Елизарьев) к впечатляющей зрелищности каждого спектакля, встречает его танцевальные разработки творчески, инициативно. Больше того, я заметил, что танцевальная партитура постановок В. Елизарьева и сценарии Е. Лысика могут и затмить много танцовщица, сделать его колоритной фигурой в сугубо рациональной праздничной театральности зрелища. К чести Л. Бржозовской, Ю. Трояна, их коллег — таких, как В. Саркисян, В. Комков, Н. Павлова, С. Пестехин, они в такой красочности не тускнеют, не теряются, не блекнут. Бржозовская работает в содружестве с интересными и, главное, ищущими художниками.

Людмила Генриховна не забывает истока своего пути, не забывает живописной мастерской. В часы досуга у нее в руках появляется кисть, и на картон ложатся краски, чтобы запечатлеть волну на ржаном, уже желтеющем поле, угрюмую тишину еловых зарослей или светлость березового перелеска. Она спешит на каждый вернисаж. Мне импонирует бережно пронесимое актрисой благородное чувство к педагогам, к наставникам, которые помогли развернуться ее крыльям для творческих взлетов. — Н. Млодзинской, И. Савельевой, людям чуткого сердца и тактичной выскальности. Сама Л. Бржозовская утверждает, что им она обязана тем, что смотрит на мир как балетная актриса и видит в нем красоту, достойную прославления в танце. И продолжает учиться этому — видеть красоту в стремительной суете нашей повседневности, вопреки этой обыденной суете, наперекор будничному мельтешению и корысти. Ее влечет к себе Искусство. Ее часто можно встретить на концерте камерной музыки. И — книги. Чтобы служить Терпсихоре, нужно поклоняться и тем музам, которые вдохновляют поэта, романиста, драматурга, новеллиста. Я никогда не замечаю в ее танце усилий, в ее глазах — усталости. Она трудится в искусстве по призванию, испытывая удовольствие от того, что ей покоряются новые вершины, зовущие дальше и выше.

Танец Людмилы Бржозовской — цепь мгновений, из которых слагается исповедь неравнодушного и страстного сердца. Я аплодирую такому танцу. Я восхищаюсь таким артистическим трудом.

Народная артистка Белорусской ССР Л. Бржозовская.

ВСЕГДА, собираясь в театр, я жду, я предчувствую чудо. Знаю — чудо будет! Вроде бы тебе загодя известны все сюжетные перипетии пьесы, ты уже читал литературное произведение, которое нынче вечером «оживет» там, на подмостках, в свете рампы, но как заманчива прелесть истинного искусства: оно обновляет твои впечатления, открывает новизну в известном тебе, пробуждает чувство, будоражит мысль... Театральные открытия вроде образов, созданных незабываемым Николаем Хмельевым, или творения неукротимого актерского духа Акакия Хоравы — из таких явлений. Называю артистов драмы, ибо в ней слово, которое обычно выступает поводом нашей мысли. Однако такие впечатления дарят нам и опера, и балет, где все определяется музыкой. Возможно, самое сложное искусство пробуждать в людях заветные чувства — искусство балета. Гармония музыки, движения, жеста — и пучина страстей, увлекающая за собой зрительный зал, который сам додумывает слова, «переводит» танцевальную речь на язык понятий.

Я говорю о Людмиле Бржозовской. О приме-балерине белорусского балета наших дней, о народной артистке БССР.

У меня есть одно преимущество перед теми, кто теперь воздаст дань восхищения искусству Л. Бржозовской: я знаю ее с детских лет. В мастерской художника Генриха Бржозовского эта девочка была какой-то очень уместной и «своей». У отца была уверенная рука живописца, он владел кистью живописца, знающей порой ошеломительные контрасты палитры. Сперва девочка мне казалась попросту «вертящейся» среди молбертов и рам, но вскоре я увидел ее танцующей. В пластике ее хрупкого тела и тогда уже угадывалась мечта. Впрочем, она и не скрывала с детских лет, что заветное ее желание — балетная сцена. Генрих Бржозовский не окрылял нарочно эту мечту, но и не ворчал недоверчиво, как это обычно бывает, не ссылаясь на то, что время покажет. «Показать» должна была сама Людмила. Наведываясь в дом моего коллеги, я видел, как серьезно взялась она овладевать танцем, постигая азы ремесла и прицеливаясь к большому балетным партиям. От всей обстановки творчества живописца Люда почерпнула и взяла с собой в непростой путь жажду совершенства. Пускай оно и недостижимо, но уже само стремление к совершенству — высшая добродетель художника и артиста, когда сна — не в словах, не в мечтаниях, а в труде. Веселая, отзывчивая на шутку и на песню, склонная к разговору о стихах и о природе, она не делала себе никаких поблажек и каждодневно хоть на самую малость добавляла мастерства.

И вот однажды я читаю в фишах нашего Государственного академического Большого театра оперы и балета БССР фамилию: «Л. Бржозовская».

Что ж, прилежание вознаграждается, говорил я себе и шел на спектакли смотреть новую актрису. И — откровение. После первых же встреч с искусством Людмилы Бржозовской у меня возникло ощущение незаурядного явления. Да, у нее выработано ремесло высокого класса, она владеет всем выразительным арсеналом современной танцовщицы. Ей свойственно воспламениться от сути женского характера, который она воплощает в спектакле, и танцевать по истине одухотворенно. Все это правильно. Но мне видится в ней что-то еще. Что же? Я вспоминал девочку, дочь Генриха Бржозовского, и догадывался, что она впитала в себя, видимо, очень нужные балерине впечатления от того преобразования реальных фигур в живописные портреты, предметов — в натурморты, лесных видов — в пейзажи, которое происходит под кистью художника. Преображение! И к этому она готовила себя, постигая технические секреты хореографического искусства, интуитивно следуя тому, что открылось ей в мастерской живописца, в искусстве ее отца.

Нарушая хронологическую последовательность, назову одну из лучших в репертуаре актрисы партий — Еву в «Сотворении мира» композитора А. Петрова и хореографа В. Елизарьева. Как увлекательна была танцевальная речь Евы в монологах и особенно в диалогах с Адамом (Ю. Троян)! Исповедальная искренность скорее всего сродни лирике. Так вот, у Л. Бржозовской Ева лирична во всякую минуту пребывания на сцене. Вместе с Адамом Ева познает всю прелесть и всю драматическую противоречивость земного бытия человека, которому уготованы испытания, проверка на право быть человеком. Танец Л. Бржозовской в этой партии — цепь вздохов и шагов, взлетов и задумчивой сосредоточенности. Если Адам удивляется злу и насилию, против которых ему назначено сражаться, то Ева как бы загодя знает, сколь неизбежны преграды и угрозы в вечном движении человека к правде и счастью. Одухотворенная пластика в горизонтальных линиях ее танца на фоне богатейших декораций Е. Лысика, как бы распахнувшего сцену во Вселенную, нежнейшее адажно, этот порыв к единению и готовность быть с людьми. — все заставило нас в зале сопереживать Еве и Адаму. Адам Ю. Трояна взрывается яростью борьбы за Еву и ради Евы, уводя ее от страстных поединков с силами зла, укрыв от угрозы, засланив от беды.

Постановщик балета в Минске В. Елизарьев устранил из танца Адама и Евы мотив, ведущий в иных постановках, — инфантильность, так называемый бембизм. Первые жители Земли, они не наивны, а доверчивы, не примитивны, а простодушны. Доверчивыми и простодушными вступают Адам и Ева Ю. Трояна и Л. Бржозовской на путь познания мира. Всему в этом спектакле